

УДК 82.09
DOI 10.20339/Phs.5-23.142

Т. Т. Давыдова

Роман Е. Замятина «Мы» сквозь призму биопэтики

Представлена рецензия на монографию американского слависта Бретта Кука «Человеческая природа в литературной утопии «Мы» Замятина» (Бостон: Academic Studies Press; СПб.: Библиороссика, 2022. 407 с.). Особое внимание обращено на методологию исследователя, биопэтику и эволюционную психологию, на комплексный анализ романа «Мы» и русско- и англоязычных текстов сценария по данному произведению, исследование жанрового содержания «Мы», антиутопий О. Хаксли, Дж. Оруэлла и форм психологизма в «Мы» в сопоставлении с психологизмом прозы Ф. Достоевского и Л. Толстого. Выявлены наиболее перспективные научные направления, намеченные Куком: творческая история романа «Мы» и его текстология, сравнение эстетики Замятина-критика и наставника «Серапиевых братьев» с литературными приемами автора «Мы», трактовка финала этого произведения и образов главных героев Д-503 и I-330.

Ключевые слова: Бретт Кук, биопэтика, эволюционная психология, человеческая природа, Замятин, роман «Мы», утопия, антиутопия, сюжет, сценарий.

Искусство, подобное роману «Мы», не только несет в себе подлинную мудрость — оно делает мудрее и нас.
Б. Кук

Рецензируемая монография состоит из следующих частей: благодарность, предисловие, десять глав, приложение «Конец? Заключительные мысли о судьбе утопии: киносценарий Замятина «Д-503»», послесловие, список использованных источников на разных языках, прежде всего английском и русском, предметно-именной указатель. Основные темы книги: рациональное и эмоциональное в человеческой природе, общительность, аутизм, игра, сексуальность, совместное потребление пищи, евгеника, творчество.

Что представляют собой научные методы исследования американского ученого? Это методы биологии, с одной стороны, и филологии с психологией — с другой: наук разных циклов, естественного и гуманитарного, у которых различные предметы исследования и методология. Литература имеет большое общественное значение, издавна затрагивала нравственные и философские, социальные, исторические и психологические проблемы. Психологическая школа уже давно существует в русском и западноевропейском литературоведении: она сложилась еще в конце XIX в. «В основе школы — исследование внутренней, душевной жизни человека, обусловленное идеей о том, что искусство вы-

The review analyzes the monograph by the American Slavist Brett Cook about human nature in the novel «We» by E.I. Zamyatin, special attention is drawn to the researcher's methodology, biopoetics and evolutionary psychology, to a comprehensive analysis of the novel «We» and the Russian and English script texts based on this work, the study of the genre content of «We», the dystopias of O. Huxley, J. Orwell and forms of psychologism in «We» in comparison with the psychologism of the prose of F. Dostoevsky and L. Tolstoy. The most promising scientific directions outlined by Cook are revealed: the creative history of the novel «We» and its textual criticism, the comparison of the aesthetics of Zamyatin the critic and mentor of the «Serapion Brothers» with the literary techniques of the author of «We», the interpretation of the finale of this work and the images of the main characters D-503 and I-330.

Keywords: Brett Cook, biopoetics, evolutionary psychology, human nature, Zamyatin, novel «We», utopia, dystopia, plot, script.



Кук, Б. Человеческая природа в литературной утопии «Мы» Замятина / пер. с англ. Ольги Бараш. Бостон : Academic Studies Press ; Санкт-Петербург : Библиороссика, 2022. — 407 с. — (Современная западная русистика = Contemporary Western Rusistika).

Cook, B. Chelovecheskaia priroda v literaturnoi utopii «My» Zamiatina / per. s angl. Olgi Barash. Boston : Academic Studies Press ; Sankt-Peterburg : Bibliorossika, 2022. — 407 s. — (Sovremennaiia zapadnaia rusistika = Contemporary Western Rusistika).

ISBN 979-8-887190-24-2 (Academic Studies Press)
ISBN 978-5-907532-34-2 (Библиороссика)

ражает все то, что человек носит в себе: субъективные впечатления внешнего мира и собственные переживания индивида», — утверждает О.В. Михайлова [1. Стб. 836]. В русском литературоведении к психологической школе относятся последователи А.А. Потебни: Д.Н. Овсянко-Куликовский, А.Г. Горнфельд, В.И. Харциев и др. Потебня утверждал, что только искусство, в том числе литература, в отличие от иных форм познания мира, занято разработкой психологии человека. Его последователь Д.Н. Овсянко-Куликовский в своем труде «История русской интеллигенции» (1906–1907) выявил разные психологические типы писателей. Идеи филологов психологической школы восходили к представлениям Потебни об образе в литературе; этот ученый, строивший свое понимание искусства с учетом его коммуникативной природы, подчеркивал относительную неподвижность образа при изменчивости его содержания, утверждал, что заслуга художника не в том минимуме содержания, «какое думалось ему при создании, а в известной гибкости образа, в силе внутренней формы возбуждать самое разнообразное содержание» [2. С. 130].

Вопросы биологии, медицины или техники литературоведению, как правило, интересны опосредованно, в качестве новых проблем или тем либо профессии героя литературного произведения. Однако автор рецензируемой монографии Бретт Кук¹ использует в качестве метода анализа замятинского шедевра эволюционную психологию и биопэтику.

Вопросом взаимосвязи искусства и эволюции человека занимается биопэтика, применяющая к искусству теорию естественного отбора, будь то в форме социобиологии или эволюционной психологии (с. 29)², —

читаем у Б. Кука. Он уверен также в следующем: утверждение эволюционных психологов Дж. Туби и Л. Космидес, что «все на свете <...> полностью и в абсолютно равной степени детерминировано и наследственностью, и средой», в полной мере относится к роману Замятина, возможно благодаря выходу художественной литературы за рамки реальности (с. 37).

Рецензируемая книга содержит в себе много понятий из современной биологии и психологии; в этом, в частности, состоит ее познавательное значение. Работа Б. Кука и филологическая, т.к. в ее основе анализ форм художественного обобщения, картин мира, сюжета, концепции человека, стиля и в романе Замятина «Мы», и в антиутопиях О. Хаксли «О дивный новый мир» и Дж. Оруэлла «1984». Поскольку научный метод исследователя — синтез филологии с биопэтикой, то Б. Кук нередко высказывает научные гипотезы наподобие следующей: Замятин предсказал открытие аутизма в романе «Мы», т.к. рассказчик Д-503 демонстрирует симптомы синдрома Аспергера, опередив клинические исследования Л. Каннера и Г. Аспергера на 20 лет. Также он предсказал существование таких «странных» людей, как главный герой романа «Защита Лужина» (1929) В. Набокова.

Современные математические теории и концепции также находятся в поле зрения американского слависта. В разделе 4 «Современная математика и Мефи» главы 4 «Искусство мыслить рационально» делается экскурс не только в статьи Замятина, где неоднократно упоминается революция в научной и философской мысли, но и в современную астрономию и математику. Единомышленники Кука — Т. Лахузен, Е. Максимова, Э. Эндрюс, авторы известной монографии «О синтетизме, математике и прочем» (СПб., 1994), чья математическая интерпретация романа убедительно доказывает, что Замятин был горячим сторонником математики.

В терминах излюбленной Замятиным гегелевской диалектики можно сказать, что рационализм и иррациональность у него представляют собой тезис и антитезис, синтезом которых должна стать по-настоящему цельная личность (с. 153).

Кук обнаруживает обширную литературоведческую эрудицию, доказывая, что русские классики были проницательными наблюдателями человеческого характера и переживаний. Л. Толстой часто

¹ Другие работы Кука: *Cooke B. Biopoetics: Evolutionary explorations in the arts.* Lexington: ICUS, 1999; подборка статей, опубликованных в журнале «Вопросы литературы» (2006. № 1).

² Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы рецензируемого издания.

обращается к языку тела, жестам, отражающим внутреннее состояние героя, слезам, румянцу и нервным тикам. Эти формы психологизма Толстого уже исследовал А.П. Скафтымов [3], но Кук подходит к проблеме с позиции иной науки — нейробиологии. Похожий психологизм ученый находит у Замятина. Замятин в романе «Мы» существенно усиливает этот прием, но придает ему дополнительный эффект: благодаря ему главный герой романа и повествователь Д-503 осознает, что он не бесстрашный винтик в машине Единого Государства, а живой, эмоциональный человек (с. 20). Правомерна также выявленная в монографии генетическая связь образа Д-503 с парадоксалистом из «Записок из подполья» Ф. Достоевского. Психологическая сложность, как и бунтарство героев против догм, имеет место в обоих произведениях. Демонстрируемый Куком подход к дальнейшему творчеству Достоевского изнутри психологии как науки принят и в российском литературоведении [4–9]. В своих романах этот писатель проявил себя как тонкий *интроспективный психолог*. И в «Мы» имеется множество похожих страниц: «Замятин перенял у Достоевского далеко не только стиль и темы» (с. 21).

Основные удачи в книге Кука связаны с литературоведческими проблемами, одна из которых — научная фантастика. Сделать разбор этого романа многоаспектным помог его анализ в едином контексте с замятинскими критическими статьями «Я боюсь» и др. и с лекциями по теории художественной прозы, столь же значительными, как и рассказы, повести, романы.

Подробно анализируя первый в европейской литературе антиутопический роман, профессор Кук много внимания уделяет содержанию и поэтике утопии и ее жанровой модификации — антиутопии.

В предисловии к монографии и в ряде ее глав, опираясь на свою концепцию человеческой природы, Кук разграничивает *утопию* и *антиутопию*. Утопия успокаивает нас, изображая общества, которые, несмотря на относительно современную технику и социальную организацию, напоминают группы, в которых жили наши далекие предки на протяжении периода эволюционного становления. В *антиутопических* произведениях иная среда обитания — городская (общий дом в Едином Государстве). Одно из различий между утопией и антиутопией состоит также в том, что в антиутопии вопросы, связанные с демографией и самоидентификацией его граждан, нередко отражаются в неестественных именах персонажей: Д-503, I-330, R-13 и др.

Вымышленные утопии не похожи на примитивные общества. Некоторые из них призывают к чрезмерному контролю над населением и налагают жесткие ограничения на личную свободу («Утопия» Т. Мора). То же самое касается творчества: Платон намеревался изгнать поэтов из своего государства. Напротив, общества, изображаемые в антиутопиях «Мы», «О дивный новый мир» и «1984», являют собой почти «идеальную» противоположность традиционному образу жизни собирателей. Их цель — убедить читателей в том, что они не хотели бы там жить.

Весомы и следующие выводы Кука: жизнь в утопии скучна, как и сама утопическая фантастика. Читать тексты антиутопистов гораздо увлекательнее. «Это различие между видами чувствования в утопии и антиутопии ясно видно с первых же страниц “Мы”» (с. 253). Еще одно различие точно подмечено славистом: антиутопии приближают нас к нашему «естественному» «я» и к традиционным способам мышления, поскольку в них содержится гораздо больше иррационального. Утопические тексты с когнитивной точки зрения слишком просты, а антиутопические сюжеты ближе нам, поэтому утопия вытеснена антиутопией. Заслуживает внимания и особенность конфликта антиутопической литературы, в которой индивидуум восстает против обезчеловечивающего режима. Таковы революционеры из группы «Мефи», прежде всего I-330; таким стал на какое-то время и строитель «Интеграла» Д-503.

Однако наряду с таким убедительным противопоставлением утопии и антиутопии в монографии Кука присутствует и понятийно-терминологическая эклектика.

В предисловии к работе утверждается:

«Мы» стал классикой русской литературы и научной фантастики и, возможно, представляет собой квинтэссенцию *антиутопического* повествования. Пусть даже роман был написан для того, чтобы усомниться в идеях, зародившихся при большевистском режиме после Октябрьской революции (с. 27; курсив мой. — Т.Д.).

А на следующей странице исследователь заявляет:

Таким образом, в романе изображено то, что Т. Мор назвал *утопией* — буквально «место, которого нет», но, возможно, также игра слов: от греческого *εὐτοπία* — «благое место». И это отбрасывает читателя не только назад, в наше время, но и к истокам человеческого рода. Чем сильнее стараются правители Единого Государства обласкать его население в регламентированные, стерильные одеяния, тем больше волосатые руки Д-503 напоминают ему о его врожденном атавизме — и тем больше нам, читателям, напоминают о том, что мы с готовностью признаем своим первобытным «Я» (с. 28).

Термин «антиутопическое» мелькнул и в главе 2 «*Общий стол в утопии*»: общество, чьи нумера потребляют нефтяную пищу, антиутопическое, и наши современники отказались бы жить в нем. А в послесловии «*Загадочный феномен*» дается иное определение жанра «Мы»: это единственное классическое произведение «утопической и научно-фантастической литературы, получившее равное признание и в России, и за рубежом» (с. 357). Это Кук объясняет по-своему: «Мы» дает нам представление о предполагаемом будущем коммунизма, а на самом деле это книга о нас, о том, кто мы есть и кем будем всегда и везде в силу своей преимущественно неизменной человеческой природы. В приложении «*Заключительные мысли о судьбе утопии: киносценарий Замятина “Д-503”*» ученый вновь возвращается к своему основному жанровому определению «Мы». Так все же чем является замятинский шедевр: утопией или ее модификацией? В монографии происходит жанровая метаморфоза, при которой утопия в ряде глав становится антиутопией. Прочитав, к примеру, следующие положения из введения «*Человеческая природа и утопия*»:

Начнем с *утопической* составляющей «Мы»: нет ничего удивительного в том, что изображение идеализированного общества отвечает глубинным потребностям человеческой природы (с. 40);

В некотором смысле работа по социальной организации в Едином Государстве оказалась выполнена даже *слишком* хорошо. В поисках *утопии* мы натолкнулись на *антиутопию*. Проблема утопии, как ее изображает Замятин, заключается не столько в материальных ресурсах или политическом контроле, сколько в человеческой нормальности. Например, Д-503 начинает отходить от верноподданнического образа мыслей и прислушиваться к революционерам, когда замечает в себе некие симптомы, которые считает признаками психического расстройства. Он начинает видеть сны, мыслить несвязно, ассоциативно, эмоционально и разумно <...>. Д-503 приходит к вполне предсказуемому выводу, что этим же страдают практически все нумера <...>. Суть, конечно, в том, что именно таких людей мы сочли бы совершенно здоровыми. И второе: само наличие болезни, будь то телесной или психической, говорит о том, что в утопическом окружении не все благополучно. Поскольку нумера на самом деле психически здоровы, их диагноз показывает, что они находятся не там, где им стоит быть. Если мы не можем чувствовать себя благополучно в утопии, то какая от нее польза? (с. 42–43)³.

Кук определяет жанр данного произведения и как *сатирический*:

Написанный как сатира на большевистские мечтания, этот единственный роман Замятина <...> глубоко затрагивает особенности нашей психики, сформированные тысячелетиями эволюционного развития (с. 37);

Роман представляет собой сатиру на свое время и важнейшую попытку Замятина внести посильный вклад в политический процесс, воздействуя лично на каждого читателя (с. 215).

Точнее мыслил Ю.Н. Тынянов:

Так сам стиль Замятина вел его к фантастике. И естественно, что фантастика Замятина ведет его к сатирической утопии: в утопических «Мы» — все замкнуто, расчислено, взвешено, линейно. Вещи приподняты на строго вычисленную высоту [10. С. 156–157].

Речь здесь все же о сатирической утопии.

³ О приостановке публикации романа «Мы» в РСФСР речь не шла, т.к. ни одно советское издательство не собиралось печатать крамольный текст. Поэтому Замятин и вручил рукопись своего произведения американскому переводчику Г. Зильбургу для издания его в США. Роман «Мы» был издан в переводе на английский язык в Нью-Йорке в 1924 г.

Среди научно перспективных и тщательно отрефлектированных проблем в рецензируемой монографии — вопросы *текстологии* «Мы». Исследователь правомерно высоко оценил заслуги М.Ю. Любимовой и Дж. Куртис, редакторов первого академического издания романа [11], представивших выверенную редакцию текста, которая должна стать основой для перепечаток произведения и подготовки научного собрания сочинений Замятина. Теперь известно, что самую важную идею романа — о том, что люди за Зеленой Стеной — «половина, которую мы потеряли», — высказывает не Д-503, а I-330. Кук намечает перспективу для дальнейших текстологических исследований «Мы», сравнивая замятинистов «с учеными-классиками и медиэвистами, восстанавливающими по крупницам древние тексты» (с. 359). Данное положение литературовед подкрепляет критикой обнаруженной в XXI в. машинописи «Мы»: «<...> это только копия уже написанного романа или поздний беловик; она практически ничего не говорит о процессе творчества» (с. 360). Однако с подобной критикой вряд ли можно согласиться, потому что в текстологии машинопись с авторской правкой рассматривается как источник для установления окончательного текста.

В главах 2–10 рецензируемой монографии дана типология лейтмотивов утопии и их противоположная идейная трактовка в антиутопии.

Раздел 5 главы 2 «Жизнь в общественной столовой» интересен социокультурным подходом, т.к. здесь упомянуто о создании в 1930 г. в СССР общественных столовых, что «составляло важную часть его деятельности по разрушению традиционной семьи». Исследователь доказывает, что Замятин обладал пророческой способностью: «“Мы”, написанный десятью годами ранее, удивительным образом предвосхищает эти идеи» (с. 81). С этим подходом связана также проблема харизмы политического деятеля.

В главе 3 «Мифы о настоящих людях» образ Благодетеля проанализирован в аспекте харизмы руководителя деспотического государства. Кук усматривает у этого харизматического лидера «элементы традиционного культа героя, в данном случае ортодоксального христианства» (с. 107). Ученый полемизирует с англоязычными славистами, выявляя новое видение Благодетеля, возникшее у Д-503 в конце романа: как правило, анализ беседы Благодетеля с Д-503 сводится к тому, что Благодетель его морально сокрушает, объясняя, что I-330 использовала своего возлюбленного в интересах революционеров. Однако, полагает Б. Кук, никто не упоминает о разоблачающем смехе Д-503 во время беседы с Благодетелем: «<...> я засмеялся — и поднял глаза. Передо мною сидел лысый, сократовски лысый человек, и на лысине — мелкие капельки пота» [11. С. 283], который приводит эпизод к поразительной развязке. После этого Единое Государство теряет свою кажущуюся непобедимость (с. 112).

Американский ученый выделил *элементы сюжета* романа, о которых дискутируют замятинисты-англисты: это участь Д-503 и психологическая подоплека его стремления к Операции (с. 216). Сюжет намеренно лишен развязки, т.к. текст обрывается на самом интересном месте: битва между Мефи и Единым Государством в разгаре, а судьба участников восстания висит на волоске (с. 340, 341). Поскольку с сюжетом связаны *герои*, то Б. Кук уделил много внимания и анализу их образов.

Ученый вновь прибегает к биоэтике, сделав акцент на дискуссионных местах. Выявление мотивировок поведения I-330 — один из камней преткновения у замятинистов. Позиция Кука следующая:

I-330 буквально влезает в сознание Д-503 и начинает эксплуатировать его. Поскольку он строитель «Интеграла», космического корабля, предназначенного для завоевательной миссии, она пытается возбудить его сексуальный интерес, чтобы использовать героя в целях ее подпольной организации, готовящей государственный переворот (с. 286).

Это малоубедительно, как и такое утверждение: чувствами Д-503 к I-330 движет не столько привязанность, сколько желание получить над ней власть. Однако в романе «Мы» немало описаний свиданий, дающих счастье обоим персонажам.

Более приемлемы иные трактовки отношений Д-503 к этой героине, также встречающиеся в рецензируемой монографии: его чувства к I-330 «представляют собой гремучую смесь любви и ненависти»; страсти автора дневника «помогают ему заново открыть первобытные аспекты своей человеческой природы и сделать возможной его психологическую интеграцию» (с. 239).

Как видим, используемый американским ученым метод биопоэтики оригинален, но порой в исследовании видны его издержки. Внешний облик I-330 сопоставляется с некоторыми чертами хищников и насекомых: у нее «нежно-острые» белые зубы, «ослепительные, почти злые», но при этом сладкие. Они символизируют как добро, так и зло. Д-503 неоднократно описывает взгляды довольно хищных персонажей — I-330 и змееподобного S-4711 с его сверлящими глазами-буравчиками. По мнению Б. Кука, секрет чар I-330 в том, что она сочетает в себе многие из этих особенностей, а ее лицо состоит из острых треугольников, что дополняет мотив острых зубов. Треугольники и кресты, словно положенные на лицо героини, сближают ее с Христом, но религиозный аспект применяется незначительно. Методы биопоэтики невольно способствуют упрощению рецепции художественной литературы.

Наиболее примечательный аналитический аспект — в главе 9 «Аутизм в “Мы”» — разбор образа главного героя этого романа Д-503 в необычном психологическом ракурсе. Строитель космического корабля воспринимается автором монографии как аутист, и ученый подмечает у героя то ряд проявлений этой болезни, то немало отклонений в психической эволюции Д-503 от симптомов аутизма. У него возникает эмпатия, он находит способ спасти O-90 с их будущим незаконным ребенком, и, кроме того, у героя развивается творческая пронизательность — лучший показатель психического здоровья. В конце предпоследней записи Д-503 опровергает теорию о конечности Вселенной. Следует отметить, что именно Д-503 пишет замечательный роман, — для аутистов это была бы китайская грамота. Под конец он даже начинает читать мысли I-330 (с. 300). Но частичное исцеление Д-503 длится недолго, и он начинает возвращаться к своему прежнему «я».

Образ Д-503 исследован ученым обстоятельно и новаторски: в главе 10 «Самовыражение» Д-503 предстает в необычном ракурсе — как автор творимого им на глазах у читателей дневника, т.е. писатель, а написанное им трактовано как одна из форм подрывной деятельности. В данной части монографии Б. Кук помогает взглянуть на творческий процесс изнутри психологии. По его мнению, рукопись служит средством психотерапии, т.к. помогает ее создателю стать психически здоровым.

Особую ценность для русских читателей книги имеет приложение «Конец? Заключительные мысли о судьбе утопии: киносценарий Замятина “Д-503”». В нем роман сопоставляется с русским сценарием «Д-503» и его переводами на английский язык. Переводы рассматриваются как редакции текста, помогающие продолжить интерпретацию романа. Между романом и тремя редакциями киносценария Б. Кук подметил текстовые и сюжетные расхождения. Существенные отличия от романа содержатся в развязке русского сценария и отражены в обоих переводах. Во-первых, Д-503 принимает более активное участие в поимке I-330, тогда как в романе он только доносит на нее Благодетелю. Во-вторых, ее не арестуют, не говоря уже о дальнейших допросах, пытках и ожидаемой казни, присутствующих в романе.

В заключение заметим, что монография Б. Кука имеет большое познавательное значение и намечает новые направления в дальнейшем исследовании шедевра Е. Замятина.

Литература

1. Михайлова О.В. Психологическая школа // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.
2. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев, 1993. 192 с.
3. Скафтымов А.П. Идеи и формы в творчестве Л. Толстого // Статьи о русской литературе / А.П. Скафтымов. Саратов, 1968. С. 258–281.
4. Браун Я. Взыскующий человека: творчество Евг. Замятина // Сибирские огни. Новосибирск, 1923. Кн. 5–6. С. 225–241.
5. Струве Г.П. Новые варианты шигалевщины: о романах Замятина, Хаксли и Орвелла // Новый журнал. 1952. № 30. С. 152–163.
6. Туниманов В.А. Что там — дальше? : (Достоевский и Замятин) // Русская литература. 1993. № 1. С. 61–80.
7. Попова И.М. «Чужое слово» в творчестве Е.И. Замятина (Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский). Тамбов, 1997. 151 с.
8. Скороспелова Е.В. Замятин и его роман «Мы». М., 1999. 80 с.
9. Давыдова Т.Т. Замятинская энциклопедия. М., 2018. 744 с.
10. Тынянов Ю.Н. Литературное сегодня // Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. М., 1977. С. 150–166.
11. Замятин Е.И. «Мы»: текст и материалы к творческой истории романа / сост., подгот. текста, публ., коммент. и статьи М.Ю. Любимовой и Дж. Куртис. СПб.: Мирь, 2011. 608 с.

References

1. Mikhailova O.V. Psikhologicheskaja shkola // Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii. Moscow, 2001.
2. Potebnja A.A. Mysl' i iazyk. Kiev, 1993. 192 s.
3. Skaftymov A.P. Idei i formy v tvorchestve L. Tolstogo // Stat'i o russkoi literature / A.P. Skaftymov. Saratov, 1968. S. 258–281.
4. Braun Ya. Vzyskuiushchii cheloveka: tvorchestvo Evg. Zamyatina // Sibirskie ogni. Novosibirsk, 1923. Kn. 5–6. S. 225–241.
5. Struve G.P. Novye varianty shigalevshchiny: o romanakh Zamyatina, Huxley i Orwella // Novyi zhurnal. 1952. No. 30. S. 152–163.
6. Tunimanov V.A. Chto tam — dal'she? : (Dostoevsky i Zamyatin) // Russkaia literatura. 1993. No. 1. S. 61–80.
7. Popova I.M. "Chuzhoe slovo" v tvorchestve E.I. Zamyatina (N.V. Gogol, M.E. Saltykov-Shchedrin, F.M. Dostoevsky). Tambov, 1997. 151 s.
8. Skorospelova E.B. Zamyatin i ego roman "My". Moscow, 1999. 80 s.
9. Davydova T.T. Zamyatinskaia entsiklopediia. Moscow, 2018. 744 s.
10. Tynyanov Yu.N. Literaturnoe segodnia // Poetika. Istoriia literatury. Kino / Yu.N. Tynyanov. Moscow, 1977. S. 150–166.
11. Zamyatin E.I. "My": tekst i materialy k tvorcheskoi istorii romana / sost., podgot. teksta, publ., komment. i stat'i M.Yu. Lyubimovoi i J. Kurtis. St. Petersburg: Mir, 2011. 608 s.



Давыдова Татьяна Тимофеевна,

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и истории литературы
Московский политехнический университет

Davydova Tatiana T.,

Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and
Literary History Department
Moscow Polytechnic University

ORCID: 0000-0001-9924-503X

e-mail: t.t.davydova@gmail.com

